

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 8-11

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РИММА!

Сегодня, 27 января, исполняется
89 лет великой русской поэтессе
Римме Казаковой. Вот уже
тринадцать лет ее нет с нами.

№4 (33)
ЯНВАРЬ 2021

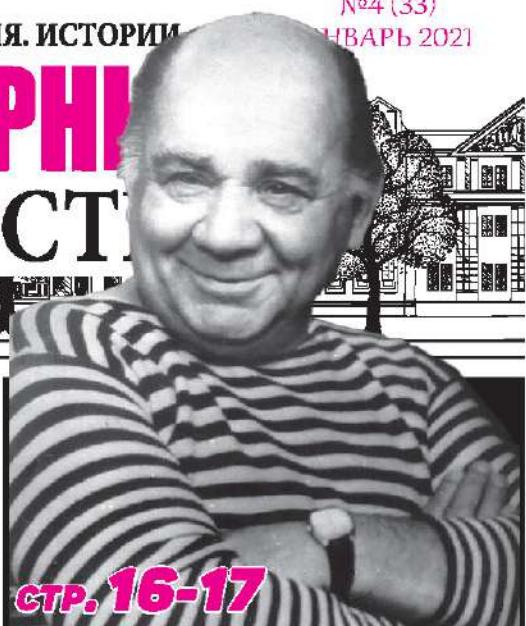
Бульварные новости

стр. 5-7

История Астрид Линдгрен

стр. 16-17

«Я Леоновым
не стал,
я Леоновым
родился»

стр. 12-13

НОРВЕГИЯ: ЗА ЧТО В НЕЕ ВЛЮБИТЬСЯ

Название этой страны
переводится как
«путь на север».

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РИММА!

Сегодня, 27 января, исполняется 89 лет великой русской поэтессе Римме Казаковой. Вот уже тринадцать лет ее нет с нами.

Геннадий Норд

Римма была не просто моим многоletним другом. Она относилась ко мне как к младшему брату, и сама об этом не раз говорила. Она всегда была готова протянуть руку помощи и подставить свое хрупкое, но такое близкое и добре сестринское плечо, что и сделала, когда я остался без крыши над головой. Она отдала мне в полное, безвозмездное пользование одну комнату в своей двушке в центре Москвы на целых четыре года.

Мы с ней объехали с концертами почти всю Россию, Украину, Казахстан, выступали в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Филадельфии, Бостоне, Оттаве, Торонто, Монреале и многих других городах. А еще больше мы разговаривали, обсуждали массу интересующих нас обоих вопросов, часто засиживаясь до утра.

Поэт, шестидесятица, автор более тридцати сборников серьезных стихов и огромного количества песен, которые и сегодня поют, практически, все звезды российской эстрады, Римма в тоже время была очень открытым и ранимым человеком. Она обладала необыкновенно острым умом и безграничным чувством юмора. Она не только любила подшутить над друзьями, но и сама часто попадала в смешные ситуации.

На один мой день рождения Римма подарила мне шикарную зажигалку. К ней прилагалась открытка, на обложке которой красовался пушистый щекливый Чыплекон.

Под ним Римма написала:

*Поздравляю тебя, братом спавшим!
Я тебе, как пыша, а постарше.
Ну, а ты, как малчикина, иашин и иашин.
Ну и пуст! С днем рождения, малыши!*

И поэтому на правах младшего брата и «шаловливого малыша» сегодня мне

не хочется лить слезы. Я хочу вспомнить несколько смешных случаев, многим из которых сам был свидетелем. И если вы, читая их, улыбнетесь, то я уверен, Римма будет доволна.

Воскресенье, 27 января. День рождения Риммы Казаковой. К ней приходят гости. Не сразу. Одни посидят, попьют чайку, закусят водочку и уйдут. Через какое-то время приходят другие. И так целый день.

Поскольку Римма беседовала с посетителями, то мне пришлось играть роль распорядителя бала: убирать, нарезать, подавать, разливать...

Поздно вечером в изрядном подпитии появился бард Володя Мирза.

—Чаю? — спрашиваю.
—И водочки выпью, — отвечает.
Наливаю ему и того, и другого.

Римма сидит напротив Володи и о чем-то с ним говорит.

Мирза выпивает рюмку и через минуту языком его начинает заплетьаться.

А еще через минуту он встает и плюхается перед Казаковой на колени.

—Римма Федоровна, — плачущим голосом говорит Володя, — я вас очень люблю. Вы мне, как мама.

Мы переглянулись с Риммой, и оба громко засмеялись.

Володя был пятым человеком в этот день, кто падал перед Казаковой на колени и говорил именно эту фразу.

Но он этим не знал...

У Риммы Казаковой в стихотворении «Парус»:

«А парус тонет, а парус тонет...»

Лена Решетняк написала музыку и спела на эти стихи песню. Получилось:

«А пара стонет, а пара стонет...»

Говорю:

—Римма, может, надо переделать?
—Не буду переделывать, — отвечает

С Геннадием Нордом дома на кухне

С Геннадием Нордом в Киеве

Римма Федоровна. — Пушкин тоже ведь не переделал, когда написал: «Я драчный изумруд».

Как-то вечером к Римме Казаковой пришел в гости поэт Юрий Беренштейн. Он только что прилетел из Бостона, где проживал, и зашел подарить Римме свою новую книгу.

Зайдя на кухню, он протянул Римме коробку с тортом и, вытащив из портфеля, поставил на стол бутылку вина.

—К сожалению, я не пью вино, — сказала Римма.

—Ах, вот как? — удивился Юрий.

Он взял бутылку и сунул ее обратно в портфель. Так и ушел с ней.

Римма Казакова влюблялась часто. Дважды была замужем. Один муж умер, со вторым развелась. В семейной жизни счастлива не была.

Видимо Бог, дав один дар — поэтический, отнял другой — семейный уют и покой.

Все, наверное, должно быть уравновешено в мире. И правда: была бы спокойна ее душа, не смогла бы она писать такие пронзительные строчки.

Она и так-то писала много. Но когда влюблялась, просто фантанизировала.

—Что поделаешь, — разводила руками Римма, — любовь прошла. Зато стихи остались.

Римма Казакова:

—У меня дома есть символы всех религий. А Бога я ишу в душе.

Римма Казакова очень любила покупать всякие безделушки, а затем одариватьими родных, близких и знакомых.

В подземном переходе она остановилась у ларька с бижутерией.

—А я вас знаю, — сказала продавщица.

—Приятно, — гордо выпрямилась и заулыбалась Римма.

—Вы актриса, — сообщила продавщица.

—Нет, — улыбка сползла с Риммного лица, — я поэтесса.

—Неужели Ахматова, — всплеснула руками продавщица.

После нашего совместного концерта с Риммой Казаковой в Тамбове, едем с организаторами ужинать в ресторан.

Приятный интерьер, хорошая кухня, уютная обстановка, живая и негромкая музыка. Даже разговаривать можно без натуги.

В разгар вечера один из организаторов Николай Мачихин говорит:

—Римма Федоровна, я хочу вам сюрприз сделать.

Он встает и подходит к музыкантам.

—Мужики, — протягивая купюру, просит Коля, — сыграйте, пожалуйста, «Мадонну».

—Какую «Мадонну», — спрашивает гитарист.

—Которую Казакова написала, — объясняет Коля. — Вон она сидит.

—Да ты что, чувак? — возмущается гитарист. — «Мадонну» Пушкин написал.

Пришли мы как-то с Риммой Казаковой на базар. Покупали свиную голову. Римма говорит продавцу:

—Только зубы мне выбейте, пожалуйста.

Продавец долго не мог понять.

С Геннадием Нордом в Оттаве

постаменте из бетона сантиметров на сорок выше пола.

—Слава Богу, — говорю, — жива!

—Пошла в душ, — смеется Римма, — помылась, хотела выбраться из ванной. Не получается. Вот сижу, жду, когда ты придешь, и вспоминаю твою Лягушку.

*Солнце меня уже больше не согревает.
Хоть целый день проводится на крыше.
Что-то случилось? Наверно, старое.
И письма становятся выше.*

На совещании в Центральном Доме литераторов Римма Казакова подошла к высокопоставленному чиновнику с массой вопросов, которые надо решить для Союза писателей Москвы, первым секретарем которого она являлась.

Чиновник предложил:

—Вы мне позвоните. Встретимся и всё обсудим.

И дал Римме номер своего телефона.

Я долго уговаривал Римму позвонить, а она отмахивалась, мол, ничего хорошего из этого не выйдет.

Уговорил. Римма позвонила, представилась и спросила у референта:

—Когда мы могли бы встретиться с Дмитрием Анатольевичем?

—Дмитрий Анатольевич население не принимает, — произнесла в ответ.

Пригласили нас с Риммой в жюри Грушинского фестиваля.

—Ты поезжай, — сказала Римма. — Я дома отсижу, плохо себя чувствую.

Приезжал в Самару на Грушинское поле и первым встречал Володю Мирзу.

—А ты что здесь делаешь?

—Хочу попробовать свои силы, — объясняет Володя. — Только не знаю, что спеть.

—Спой «Ученика», — советую. — Очень хорошая песня у тебя получилась. Она ведь на замечательные стихи Риммы Казаковой. Пройдешь в финал.

В списке финального концерта Володиной фамилии нет. Нахожу на поле Володю.

—Что случилось? — спрашиваю.

—Первый тур прошел, — говорит, — а второй нет.

—Почему?

—Члены комиссии сказали, что стихи в песне очень слабые...

Гастролируем с Риммой Казаковой по США. После концерта в Детройте нас приглашают на ужин. Пожилая пара, ему лет под восемьдесят, ей чуть меньше. Подают макароны, перемешанные с гречневой кащей.

Римма посмотрела на меня, с трудом сдерживая улыбку.

—Интересное блюдо, — говорю. — Никогда не ел.

—А вы попробуйте, — предлагает хозяин.

—Кто же это придумал? — спрашивает Римма Федоровна.

—Я, — гордо заявляет хозяйка. — А вы так никогда не делаете?

В Нью-Йорке остановились у Юры Чекановского.

Вечером, после устроенного Юрой обильного ужина, Римма ушла в отведенную ей комнату. А я устроился в зале у телевизора.

Спать не хотелось. Начал бегать по многочисленным американским каналам и увлекся. То на одном канале что-нибудь посмотрю, то на другом. В общем, выключил телевизор и уснул только в половине седьмого утра.

Чувствуя сквозь сон: кто-то на меня смотрит. Открываю глаза. На журнальном столике, склонившись надо мной, сидит Юра.

—Который час, — спрашиваю.

—Семь часов десять минут, — отвечает он.

—Только лег, — зеваю.

—Да я тоже еще не уснул, — признается Юра. — Посоветоваться с тобой хочу.

—Что-то случилось? — подскакиваю я.

—Понимаешь, — объясняет Юра, — я всю ночь думаю, как вам на обед фаршированную рыбку готовить? Кусочками или в чулке? Римма какую любит?

С Юрием Чекановским мы знакомы много лет. Дипломат, эрудит, умница — Юра человек очень добрый и щедрый, с открытой, отзывчивой и сопереживающей душой. Он настоящий, верный и преданный друг, который, не раздумывая, готов протянуть руку помощи. И я буду ему вечно благодарен за эту дружескую руку, которую он подал мне в один из не легких моментов моей жизни.

Мы и жили-то рядом: он — в Нью-Йорке, я — в Монреале. Ерунда по американским меркам — всего каких-то пятьсот километров. Часто ездили друг к другу в гости.

Юра гостеприимный и хлебосольный хозяин. Поэтому, когда мы с Риммой Казаковой приехали на гастроли в Нью-Йорк, вопрос о том, где остановиться, просто не стоял. Юра предоставил нам кров.

Окончание на с. 16-17

С Геннадием Нордом в Филадельфии

Окончание. Начало на с. 14-15

В первый же вечер Юра накрыл для нас шикарный стол с массой соблазнительных закусок собственного приготовления. Талантливый человек талантлив во всем.

Вечер получился замечательным! Сам хозяин сказал:

— Я за много лет впервые опять почувствовал себя на московской кухне!

Ах, эти московские кухни советских времен! Можно было с бутылочкой, а то и просто под чаек почти шепотом поговорить откровенно и открыто о том, что творится в мире и делается в стране, обсудить события, и осудить вождей. И не бояться! И не оглядываться! Потому что за столом собирались только свои — те, кому доверяешь безгранично и без опаски утром оказаться за решеткой.

Вот и Юры за столом собирались свои. Было тепло и уютно!

А в центре стола были, конечно, двое: Юра и Римма.

Римма отвечала на массу вопросов, читала стихи.

А Юра много рассказывал о своей дипломатической работе. Зная дипломатию изнутри, он выдавал нам такие вещи, о которых мы и не догадывались. Ведь если и писалось что-то о дипломатах, то только позитивное и приглаженное. Аказалось, что дипломаты тоже люди, и ничто, как говорится, человеческое... И в их мире есть любовь и дружба, измены и предательство.

И Римма Казакова предложила:

— Юра, вам надо писать. Во-первых, у вас хороший слог, а во-вторых, ниша эта в литературе пуста, и вы по праву занимаете в ней свое место.

Мысль эта, видимо, сильно зацепила Юрия Чекановского. В течение месяца он неоднократно советовался со мной по этому поводу.

— Пиши, — убеждал я его. — И Римма уверена, что у тебя получится.

Юра сел за стол и написал книгу.

Мне довелось даже эту книгу чуть-чуть подредактировать.

А в 2007 году, составляя по поручению Правительства Москвы «Антологию русских писателей Северной Америки», я включил в нее отрывки из Юриного романа.

Потому что это талантливая книга.

Это была первая в жизни Юрина публикация. И я горд, что во все судьбы оказался у истоков зачатия романа и рождения хорошего русского писателя.

А открыла его для людей Римма.

Мне подарили несколько индийских сигар, маленьких, размером со спичку. Сидим на Римминой кухне, беседуем.

— Пойду, покурю, — говорю.

— Кури здесь, — предлагает Римма.

— Не хочу тебя обкуривать, — отказывается.

— А ты дай и мне закурить, — просит Римма.

— Ты же не куришь!

— А вот сегодня закурю!

И она закурила. Я за все годы нашей дружбы никогда такого не видел!

Не удержался и сфотографировал ее на телефон. Качество, конечно, плохое. Но зато это единственная фотография курящей Риммы Казаковой.

За столом у Риммы на кухне ее подруга и однокашница Таисия Андреевна Вечерина говорит:

— Была недавно в музее современного искусства и поняла в чем разница между инсталляцией и перформансом.

— В чем? — интересуется Римма.

— Ты открываясь дверь из квартиры в коридор, а там куча лежит. Это инсталляция. А если ты открываясь дверь, а там мужик, который делает эту кучу, это — перформанс.

Композитор Алексей Карелин постоянно говорил «коммунизм, социализм, интернационализм».

Римма несколько раз сделала ему замечание. И он вообще перестал при нас произносить подобные слова.

Как-то он пришел к Римме, и она предложила пообедать. Выставила на стол сыр, селедку, баночку маринованных помидоров.

Карелин, внимательно глядя на банку, спросил:

— А у нас бутыль замыкается?

— Что, девушка, поэтому стать решили? — спросил как-то Римма Казакову патриарх поэзии Михаил Луконин.

— Да вот пишу стихи, — как бы извиняясь, ответила она.

— Не знаю... Не знаю... Уж лучше бы другую профессию выбрали. Стали бы, что ли, летчиком, моряком...

— Почему?

— Потому, что даже это — более подходящей для женщины труд...

Римма подумала, подумала и мужественно выбрала профессию поэта.

Не успев помочь, Олег Воловик говорит Казаковой:

— Римма Федоровна, вы ведете себя не женственно. Сами надеваете пальто, сами открываете дверь.

Римма отвечает:

— Так с вами можно год простоять перед закрытой дверью.

— Мама, что такое любовь? — спрашивает у Риммы сын Егор.

— Спроси у отца, — посыпает она его к писателю Георгию Радову.

Через минуту Егор возвращается и говорит:

— А он не знает.

Второй муж Риммы стоматолог Валера говорит:

— Стихи, Риммочка, любят не все. А вот зубы болят у всех.

Я разговаривал с Риммой Казаковой по телефону 19 мая 2008 года за полтора часа до ее смерти.

— Я приеду из санатория 23 мая на один день, — сказала Римма. — Давай сходим на кладбище к Таничем.

Мы не смогли попасть на похороны Михаила Танича: я был далеко от Москвы на гастролях, а Римма плохо себя чувствовала.

Похоронили ее рядом с Таничем.

А чуть позже Римминым соседом стал Михаил Пуговкин.

Так она и лежит на Ваганьково между двумя Михаилами. И может загадывать желание. О вечности...

Не стало Риммы. Не прошло и двух дней, как Алексей Карелин начал везде и всюду эксплуатировать ее имя.

— Римма сделала меня своим душеприказчиком. Только я писал на ее стихи песни.

Ларчик-то открывался просто: Римма не собиралась умирать и, естественно, не давала Карелину разрешение на исполнение песен. Ее смерть была полной неожиданностью. Вот Карелин и остался ни с чем. А ведь написал-то более двадцати песен на стихи Казаковой. Одрогтывалась его музыка пусть судят слушатели. Но теперь ему любыми правдами и неправдами надо было получить разрешение от наследника, которым стал сын Риммы Егор.

Вот Карелин и старался быть рядом с ним. Возил его на машине, постоянно торчал в квартире, бегал за продуктами и, что греха таить, за спиртным.

А Егора вполне устраивала нежданная и бесплатная няня. Он продолжал пить и баловаться наркотиками. Но, будучи человеком умным, тихонько посмеивался над ситуацией и разрешение давать не спешил.

Я договорился с Егором передать Риммин архив в Литературный музей. Мы сложили рукописи, документы, книги, фотографии в коробки, упаковали и сообщили в Литмузей, что можно архив забрать.

Заместитель директора Литературного музея с работниками приехал именно в тот момент, когда Егор был в совершенно неадекватном состоянии.

— Коробки мы заберем, — обратился к Егору замдиректора. — Но надо договориться подписать.

— Не могу, — промычал Егор.

— Давайте, я подпишу, — предложил Карелин.

— А вы кто такой? — спросил замдиректора.

— Я заместитель Егора Егоровича, — гордо ответил Карелин.

Римма не любила собак, потому что боялась. Знала, что я собачник, знала, что у меня бультерьер.

И вот Римма прилетела ко мне в Монреаль и всю дорогу от аэропорта до дома спрашивала:

— А собака твоя меня не покусает.

Приезжаем, заходим в дом. Увидев пса, Римма скжасалась.

— Не бойся, — прошу Римму, — проходи, присаживайся.

Римма усаживается на диван.

Собака подошла к ее ногам, понюхала, вспрыгнула на диван, рядом с Риммой, легла и положила голову Римме на колени.

Собаки чувствуют хороших людей.

А потом у Риммы родились строчки:

*...и Ника, нежный бультерьер,
меня мордой утыкалась в руки.*

Я люблю тебя, Римма!

И если есть где-то параллельный мир, а, говорят, что есть, то ты слышишь мои слова. Собственно, мне и не надо их повторять, потому что ты и без слов прекрасно об этом знаешь.

То, что произошло 19 мая 2008 года — не просто неожиданность и беда. Это удар ниже пояса! Шок!..

Бот ухе принадлежать лет я не могу оправиться. И вряд ли эта рана когда-нибудь заживет!

Мне очень тяжело без тебя, Римма!

... А все начиналось обычно и буднично. Как и каждый год в это время ты поехала в санаторий в Перхушково поддержать здоровье. Поехала и не вернулась.

Мы абсолютно normally поговорили в этот день с тобой по телефону, еще раз договорились, что двадцать третьего ты на денек приедешь домой, ты сказала, что чувствуешь себя хорошо, и пообещала перезвонить мне после того, как склонишься в бассейн.

Римма Казакова и Геннадий Норд на концерте в ЦДЛ

А спустя час тебя не стало...

Не стало великого русского поэта! Не стало замечательного, доброго, честного, преданного друга.

Помнишь, пару лет назад, ты позвонила мне из Англии и сказала:

— Генка, я долго думала и поняла: ты мой самый лучший друг.

Я тогда ночь не спал. Такие слова стоят очень дорого. Это — самая ценная для меня фраза, и я пронесу ее через всю свою жизнь.

Я с детства зачитывался стихами шестидесятников. Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский...

Шестидесятники... Целая эпоха, отдельный и очень яркий период развития русской поэзии.

Но ты среди плеяды великих имен всегда занимала для меня особое место. И не только потому, что мы были знакомы, и не только потому, что твоя поэзия была доходчивой и понятной.

Просто ты была для меня самым близким другом, своим парнем, чтили. У меня не было тайн от тебя, с тобой я мог поделиться самым сокровенным.

Мы были очень похожи. И потому, что оба — Водолеи, и потому, что в чем-то судьбы наши схожи. И мнения по многим вопросам были одинаковыми. И оба имели ту авантюрную жилку, которая помогает жить и совершать неординарные поступки.

Ты была ярким, самобытным и сильным человеком. Ты умела дружить. Но самое главное — ты умела любить.

Ты беззаветно любила Егора. Несмотря на то, что твой сын часто мучил тебя, особенно, когда начинал злоупотреблять наркотиком или алкоголем, ты старалась помочь, предостеречь, уберечь. Ты не замкнулась, ты не запрятала свою трагедию. Чтобы спасти от этой болезни других, ты открыто с экрана телевизора рассказала всей стране о страшной трагедии Егора. На такое способен только очень решительный, сильный и любящий человек!

Иногда у тебя лопалось терпение, и ты в сердцах бросала:

— Всё! Больше не буду ему помогать!

И у меня был сын. Но он погиб от такой же страшной напасти. И я убеждала тебя:

— Соберись, потерпи, помоги. Ведь это твой сын. Какой бы ни был, но он живой.

И ты скимала волю в кулак и терпела, и помогала, и вытягивала Егора из беды.

У тебя, как и у меня, не было депрессий. Мы умели с ними бороться. Но мне было очень тяжело, когда погиб мой Димка. И ты первая протянула мне руку помощи.

— Жизнь для живых не заканчивается, — сказала ты, — надо жить и творить так, чтобы твое творчество стало памятником твоему ребенку.

И ты организовала мне концерт, и я вышел на публику и ощутил очень теплый прием. И понял, что ты права.

А когда я, однажды зайдя к тебе, почувствовал, что и у тебя в жизни что-то неладится, то, недолго думая, предложил:

— Бросай все, бери билет и приезжай ко мне в Канаду. Не знаю, заработаем или нет, но какие-то встречи и творческие вечера организуем.

И ты с удовольствием приняла мою авантюрную идею и прилетела. Мы вместе встретили Новый год, а потом пятнадцать дней колесили с концертами по дорогам Канады и Соединенных Штатов.

Думаю, ты согласишься, что о нашем путешествии по Америке можно написать веселую и занимательную повесть. Мы не просто выступали, но и знакомились с людьми, с их жизнью, чувствами, бытом. Ты, и только ты, Римма, открыла для людей нового писателя — Юрия Чекановского, который принимал нас в Нью-Йорке. Услышав его рассказы о дипломатической работе, ты сказала, что ему необходимо писать. И он написал. Написал трилогию. И публикуется.

А потом мы вместе в один день отметили дни рождения: твой и мой.

Собираясь улетать в Москву, ты сказала:

— Тебе надо возвращаться в Россию. Творческому человеку здесь делать нечего.

Я это и сам прекрасно понимал, но в России возникали непреодолимые проблемы, главная из которых — жилье.

зался даже без собственного помещения, практически, на улице. И никому из власти предрещаших не нужен. Но именно ты могла, не имея средств, доставать эти средства, проводить и семинары молодых писателей, и вручать ежегодно премию «Венец», и делать все, чтобы Союз жил. И он живет, и, надеюсь, будет жить долго.

Помогали друзья, которых у тебя было много, помогали и люди, с которыми ты только познакомилась. Помогали потому, что Казакова — это бренд. Это имя!

Ты была политизированным человеком. У тебя было много друзей и среди политиков. Ты очень внимательно следила за всем, что происходит в стране. Но ты всегда была в оппозиции к власти. Думаю, потому что очень любила Россию и переживала за все, что эта власть делала с родиной. И ты не боялась, открыто высказывать свое мнение даже тогда, когда оно было нелепо приятно для власти.

Поэтому-то у тебя и не было ни одной Государственной премии. Мы оформили документы и сделали все, чтобы ты получила Госпремию в том году. Не успели...

А помнишь, как ты упала и очень сильно ушиблась? Болела бедро, левая рука была сложным синяком. Я мазал тебя мазями по несколько раз в день. Больно было двигаться. Но даже в этом состоянии ты поехала в Воронеж, где у нас был объявлен концерт.

— Нельзя его отменять, — заявила ты. — Люди ждут, люди придут в зал.

И мы отработали в Воронеже. И тебя принимали с восторгом! И после концерта два часа давала автографы и разговаривала со зрителями.

Собственно, тебя всегда принимали на ура, узнавали на улицах, чему я много раз был свидетелем.

А на твой юбилейный концерт в Центральном Доме литераторов собралось столько желающих, что зал не смог всех вместить: стояли в проходах, сидели в вестибюле и слушали твое выступление по радиотрансляции. Думаю, что ЦДЛ не видел такого со дня своего существования.

А мне повезло еще в одном. Я присутствовал при возникновении твоей любви, последней любви. Хотя тот, в кого ты влюбилась — человек военный и не любил слова «последняя». Он был сказал «райская». Но жизнь распорядилась так: именно последняя любовь.

Ты всю жизнь была обделена настоящей любовью. Да влюблялась но это все кончалось ничем. Видимо, Бог предназначил тебя не для любви, а для стихов. Ты сама говорила: «Не получилась любовь, но стихи останутся».

А тут пришло оно — большое и светлое чувство. Получалось так, что в те нечастые посещения нашего военного товарища, я оказывалась дома. И ты не отпускала меня. Я сидел с вами за столом на кухне, слушал его солдатские шутки и смотрел, как на глазах преображалась ты. Ты расцветала, становилась намного моложе, на щеках появлялся румянец, а глаза блестели и светились радостью и любовью.

Ты не собиралась умирать, потому что была влюблена и любима.

И вообще, у нас были грандиозные планы. А ты ушла...

Знаешь, вот уже тридцать лет я не могу писать о тебе — слишком болит душа. Может быть, со временем я напишу тебе, о тебе и для тебя и стихи, и воспоминания. Но сейчас не могу. Комкаю сигарету за сигарету, собираясь, сажусь к компьютеру... и не могу.

Потому, что ты для меня была...

Почему я все время пишу — «была»? Ты есть и будешь! Пока о тебе будет помнить хоть один человек на земле, ты — жива! А я буду помнить тебя всегда! И мои docheri будут помнить о тебе! И внукам, когда они еще немного подрастут, я обязательно расскажу о тебе, и очень попрошу, чтобы рассказали правнукам!

О тебе будут помнить сотни людей, знавших тебя, и тысячи — читающих твои стихи, слушающие и поющие твои песни. Ая...

Я просто очень люблю тебя, Римма! Вечно твой, Гена Норд.

Портрет Риммы Козаковой. Художник Дмитрий Шабунин

— Ничего, — заверила ты, — поживешь у меня.

И я приехал, и поселился у тебя, и стал твоей семьей. И не только потому, что я иногда мыл полы, всегда — посуду, выносил мусор, бегал в магазины и принимал твоих гостей. Нет. Просто оказалось, что ты при всей своей популярности была очень одиноким человеком. И я горжусь тем, что именно меня Бог выбрал для того, чтобы скрасить последние годы твоей жизни.

Я всегда относился к тебе с большим пылением и огромным уважением. Но как-то ты сказала:

— Генка, перестань выделяться, называй меня на «ты».

И мы перешли на «ты». Но от этого уважение меньше не стало.

Так сложилось, что каждый вечер после дня беготни мы встречались на кухне и рассказывали друг другу о том, что с нами происходило за день, вместе старались разрешить возникшие проблемы, намечали планы на следующий день и на будущее. А потом разбредались по кельям. И писали стихи. Помнишь, я написал тебе:

*Поззия — есть дело вкуса,
И тех, кто к этому давно привык.
К поэзии на ночах приходит муз,
А к поэтессе, видимо, музыка.*

